A 189/171

Барщев.

А 189.
А 171.

А 189
171. (Баршев, С.)

О

СУЩЕСТВѢ ВЛАСТИ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Судъ присяжныхъ есть судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Чтоже это означаетъ? То ли, что судъ присяжныхъ есть судъ чисто личный слѣдовательно произвольный, или и онъ долженъ происходить по законамъ и основываться на разумной оцѣнкѣ доказательствъ?

Во Франціи и самъ законъ воспрещаетъ присяжнымъ при исполненіи возложенной на нихъ обязанности, думать о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ и думая о нихъ принимать въ соображеніе тѣ послѣдствія, которыя могутъ имѣть для подсудимыхъ, на основаніи означенныхъ предписаній, ихъ приговоры.

Въ ст. 342 наполеонова code d' instruction criminelle говорится:

Существенно необходимо не выпускать изъ виду, что все совѣщаніе присяжныхъ должно сосредоточиваться на обвинительномъ актѣ, на фактахъ изъ которыхъ онъ составляется и которые состоятъ съ нимъ въ связи; они поступаютъ вопреки своей главной обязанности, когда думая о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ, принимаютъ въ соображеніе послѣдствія, которыя на основаніи означенныхъ предписаній, могутъ имѣть для подсудимыхъ ихъ приговоры. Ихъ миссія ни преслѣдованіе, ни наказаніе преступленій; они приглашаются лишь для рѣшенія: виновенъ или не виновенъ подсудимый въ преступленіи, которое ему приписывается.

Въ силу этого закона французскіе присяжные облекаются ничѣмъ неограниченною властью; всемогущіе они не стѣсняются въ своей дѣятельности никакими предписаніями уголовныхъ законовъ и могутъ обвинять и оправдывать по своему усмотрѣнію. Но и о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ французскіе присяжные все-таки думаютъ; безъ этого они не могутъ рѣшить и вопроса о виновности; думая же о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ, они не могутъ не принимать въ соображеніе и тѣ послѣдствія, которыя на основаніи означенныхъ предписаній, неизбѣжно должны послѣдовать за ихъ приговорами для подсудимыхъ, и когда находятъ, что они несоразмѣрно тяжелы, то пользуясь предоставленною имъ властью, оправдываютъ и уличенныхъ преступниковъ. Поступая такъ французскіе присяжные съ явнымъ нарушеніемъ даваемой ими присяги, присвоиваютъ себѣ вовсе непринадлежащее имъ право помилованія и вмѣсто того, чтобы добросовѣстнымъ выполненіемъ возложенной на нихъ закономъ и обществомъ обязанности посильно содѣйствовать къ огражденію общества отъ злодѣевъ, они своимъ преступнымъ потворствомъ имъ способствуютъ къ размноженію числа ихъ и вызываютъ тѣмъ строгое порицаніе противъ себя и со стороны своихъ доброжелателей. Пресловутое французское всемогущество присяжныхъ не служитъ такимъ образомъ во благо не только обществу, но и самимъ присяжнымъ. Французскіе присяжные впрочемъ уже и прежде, чѣмъ облечены были по закону всемогуществомъ, не затруднялись играть роль милователей. Наполеонъ I хотѣлъ отнять у нихъ поводъ къ тому и съ этою цѣлью подарилъ ихъ всемогуществомъ. Но онъ не принялъ во вниманіе, что отъ людей, которые мыслятъ и чувствуютъ, требовать, чтобы они, навлекая на подсудимыхъ своими приговорами извѣстныя вредныя послѣдствія, не думали о нихъ, значитъ требовать совершенно невозможнаго,—и законъ остается мертвою буквою.

Что дѣлается во Франціи вслѣдствіе злоупотребленія, то самое въ Германіи возводится даже въ принципъ.

Присяжные, учатъ многіе нѣмецкіе юристы, для того и сидятъ въ уголовныхъ судебныхъ мѣстахъ, чтобы производить судъ не по мертвой буквѣ часто уже отжившаго положительнаго закона, а по живому, постоянно развивающемуся въ народномъ сознаніи праву. Представители общественной совѣсти на судѣ присяжные должны быть разсматриваемы какъ есте-

ственные корректоры отжившихъ и дурныхъ законовъ. Призваніе высокое, но для того, чтобы выполнять его, необходимо имѣть полномочіе на то. Присяжные же ни отъ кого не получаютъ полномочія поправлять законы.

Судъ тогда только и есть дѣйствительно судъ, когда онъ производится по законамъ; по законамъ онъ производится судьями чиновниками; по законамъ же его должны производить и присяжные, и ни общество не можетъ уполномочивать ихъ направлять законы, ни законъ не даетъ имъ права на то. Не основанный на законахъ судъ неизбѣжно ниспадаетъ на степень личной расправы и не можетъ быть не только правымъ, но и равнымъ, для всѣхъ одинаковымъ судомъ. Личная расправа не подчиняется никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и всецѣло зависитъ отъ благоусмотрѣнія и даже отъ расположенія судей. Въ духѣ они, и жалуютъ и милуютъ и самыхъ отчаянныхъ преступниковъ, напротивъ безпощадно осуждаютъ и самыхъ мелкихъ воришекъ, когда находятся въ дурномъ расположеніи. Для такихъ судей много значитъ и наружность подсудимыхъ, хорошія или дурныя манеры и даже и покрой платья,— и никто не можетъ напередъ знать чего ему можно ожидать отъ суда, когда придется предстать предъ него. Ни правый не можетъ полагаться на свою правоту, ни виновный слишкомъ опасаться своей вины, и ни жизнь, ни честь, ни свобода, ни имущество ни въ чемъ и ни въ комъ не находятъ нужной охраны; извращать такъ суды присяжные не могутъ и во имя общественной совѣсти.

Высоко цѣнятъ институтъ присяжныхъ, какъ юридическое учрежденіе, и англичане; но хотя они называютъ его судомъ per patriam, видятъ въ немъ однакоже лишь общую гражданскую повинность, которую несетъ всякій гражданинъ самъ за себя. Французское всемогущество присяжныхъ и нѣмецкій корректурный характеръ ихъ прямо противны всему строю общественной жизни англичанъ. Вслѣдствіе самаго широкаго развитія чувства законности во всѣхъ классахъ народа, въ Англіи уваженіе къ законамъ простирается можно сказать до педантизма. По сему въ этой странѣ никому и въ голову не можетъ придти, что судъ и въ особенности уголовный, можетъ происходить и не по законамъ, и что слѣдовательно судьи могутъ полновластно распоряжаться самыми важнѣйшими благами человѣка. Первоначально англійскіе присяжные не были даже судьями, а только

свидѣтелями и лишь впослѣдствіи возвысились на степень судей, но судей по закону. Такъ постоянно смотрятъ они и сами на себя и вслѣдствіе этого весьма многіе, которые предвидятъ, что имъ, по ихъ общественному положенію, придется быть присяжными, заранѣе стараются ближе ознакомиться съ законами не только посредствомъ частаго посѣщенія судебныхъ мѣстъ, но и изученія популярныхъ сочиненій о порядкѣ судопроизводства; когда же потомъ выполняютъ обязанности присяжныхъ, то безусловно преклоняются предъ законами и тогда, когда они представляются имъ слишкомъ жестокими и даже явно несправедливыми и если случается и противное, то это бываетъ чрезвычайно рѣдко и всегда вызываетъ строгое порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія. Постоянно напоминаютъ англійскимъ присяжнымъ и предсѣдательствующіе въ ассизахъ судьи, что они сидятъ въ судахъ не для того, чтобы сочинять законы, а чтобы общими съ ними силами отыскивать правильный приговоръ по закону.

Въ этой только скромной роли присутствіе присяжныхъ въ уголовныхъ судахъ и можетъ быть полезно. Присяжные, люди простые и не свѣдущіе въ законахъ, обыкновенно знакомятся съ ними по поводу одного или нѣсколькихъ случаевъ, слѣдовательно поверхностно, а мотивовъ законовъ они вовсе не знаютъ, не могутъ по этому и судить о томъ, хороши или дурны законы. Законы должны разъяснять судьи, а дѣло присяжныхъ, строго держась этихъ разъясненій, своимъ человѣчнымъ, лишеннымъ всякаго предубѣжденія взглядомъ на преступленія и преступниковъ, способствовать къ правильному примѣненію законовъ. Судьи обыкновенно смотрятъ на преступленія и преступниковъ только глазами закона и потому всегда болѣе или менѣе склонны примѣнять его во всей буквальной строгости, присяжные напротивъ принимаютъ при томъ въ соображеніе разныя житейскія отношенія, среди которыхъ преступники дѣйствуютъ и обстоятельства, при которыхъ преступленія совершаются и способствуютъ такимъ образомъ къ смягченію буквальной строгости закона. При такомъ совокупномъ и вполнѣ согласномъ дѣйствованіи судей и присяжныхъ закону воздается подобающая честь, и оказывается должное вниманіе къ требованіямъ жизни,—и дѣло правосудія совершается вполнѣ законно и гуманно. Такъ именно и совершается оно въ Англіи. Судьи обстоятельно объясняютъ присяжнымъ законы и вообще всѣ

юридическіе вопросы, недоступные для простаго пониманія присяжныхъ, а присяжные внимательно выслушиваютъ ихъ наставленія и добросовѣстно слѣдуютъ имъ. Судъ присяжныхъ и называется поэтому въ Англіи судомъ посредствомъ судьи и присяжныхъ.

Но если скажутъ: и присяжные должны производить судъ по законамъ и подчиняться имъ и тогда, когда они находятъ ихъ слишкомъ жестокими и даже явно несправедливыми, то не причиняется ли чрезъ то насиліе совѣсти и внутреннему убѣжденію присяжныхъ? Они знаютъ, что за ихъ приговорами должно послѣдовать несоразмѣрно жестокое по ихъ мнѣнію наказаніе и должны все таки обвинять и слѣдовательно принять и этотъ приговоръ на свою совѣсть.

Не легко, конечно, осудить человѣка, когда нѣтъ убѣжденія въ справедливости закона, по которому онъ долженъ быть наказанъ. Подобные случаи могутъ встрѣчаться не только тамъ, гдѣ дѣйствуютъ устарѣвшіе законы, но и тамъ гдѣ они соотвѣтствуютъ требованіямъ времени. Всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть вліяніе не только на смягченіе но и на уничтоженіе вины, никакой законодатель не въ состояніи предвидѣть, а слѣдовательно и опредѣлить. Страшную душевную муку, поэтому, приходится иногда выдерживать присяжнымъ при постановленіи приговоровъ, особенно если за ними должна послѣдовать смертная казнь, которая давно уже отвергается почти всѣми.

Но во-первыхъ исполненіе долга бываетъ тяжело и не для однихъ присяжныхъ, но за то чѣмъ труднѣе оно, тѣмъ важнѣе и заслуга. Долгъ былъ бы пустое слово, еслибы его можно было исполнять и не исполнять смотря потому тяжело ли это или легко. Присяжнымъ конечно легче обвинять, когда они убѣждены не только въ виновности подсудимыхъ, но и въ справедливости и соразмѣрности наказанія, которому долженъ будетъ подвергнуться подсудимый вслѣдствіе ихъ приговора на основаніи предписаній закона, но хотя и съ болью въ сердцѣ они должны обвинять и тогда, когда убѣждены только въ виновности, потому что это ихъ долгъ и что только это послѣднее убѣжденіе отъ нихъ и требуется. Законы же присяжные должны принимать такъ, какъ они есть, и если могутъ и на нихъ обращать вниманіе при постановленіи приговоровъ, то никакъ не для того, чтобы обвинять и оправдывать, смотря потому, находятъ ли они законныя предписанія справедливыми или несправедли-

выми, а лишь для того, чтобы тѣмъ серьезнѣе относиться къ дѣламъ и основательнѣе обсуживать ихъ, чѣмъ важнѣе тѣ вредныя послѣдствія, которымъ подсудимый вслѣдствіе ихъ приговора, долженъ будетъ подвергнуться на основаніи означенныхъ предписаній. Поступая иначе присяжные сами насилуютъ свою совѣсть и жертвуютъ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ соображеніямъ, которыя должны быть совершенно чужды имъ. Ихъ миссія, какъ справедливо замѣтилъ Императоръ Наполеонъ I, не есть ни преслѣдованіе, ни наказаніе преступленій, а только рѣшеніе вопроса: виновенъ или не виновенъ подсудимый въ преступленіи, которое ему приписывается. Этотъ только вопросъ присяжные и должны рѣшать по совѣсти и внутреннему убѣжденію, чтоже затѣмъ послѣдуетъ, заботиться о томъ вовсе не ихъ дѣло.

Эта забота однакоже до такой степени естественна, что совершенно отрѣшиться отъ нее присяжные не могутъ. Посему, въ видахъ облегченія ихъ трудной обязанности, имъ предоставленъ вездѣ законный выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое они могутъ быть поставлены, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда и справедливый и не жестокій самъ въ себѣ законъ, оказывается несправедливымъ и жестокимъ по особеннымъ обстоятельствамъ даннаго случая. Они могутъ вопервыхъ понижать слѣдующее преступникамъ по закону наказаніе допущеніемъ существованія въ дѣлахъ смягчающихъ обстоятельствъ. Именно съ этою цѣлію и даровано было это право французскимъ присяжнымъ закономъ 1832 года и затѣмъ, при введеніи французскаго процесса въ другія государства, присвоено и всѣмъ другимъ присяжнымъ; чуждо оно только англійскимъ присяжнымъ. Предоставляя это право присяжнымъ французскій законодатель имѣлъ въ виду дать имъ возможность законнымъ путемъ облегчать участь подсудимыхъ, когда по обстоятельствамъ дѣла они дѣйствительно заслуживаютъ того, но онъ дозволилъ имъ пользоваться этимъ правомъ, не указывая ни на какія обстоятельства, и также безотчетно присвоили это право и другія законодательства своимъ присяжнымъ. Вслѣдствіе этого всѣ присяжные отыскиваютъ и допускаютъ смягчающія обстоятельства и тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ и такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы только смягчать дѣйствіе жестокихъ и несправедливыхъ законовъ, дѣлаютъ ихъ вообще непримѣнимыми. Противозаконное пользованіе континентальными

присяжными предоставленнымъ имъ правомъ смягчающихъ обстоятельствъ и было причиною того, что когда и въ Англіи поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи этого права тамошнимъ присяжнымъ, имъ рѣшительно было отказано въ томъ. Англійскіе присяжные могутъ однакоже достигать того же самаго, ходатайствуя во-первыхъ о помилованіи подсудимыхъ, во-вторыхъ обвиняя ихъ въ меньшемъ преступленіи противъ обозначеннаго въ обвинительномъ актѣ и давая т. н. спеціальный приговоръ. Ходатайство присяжныхъ о помилованіи имѣетъ въ Англіи двоякое значеніе: во-первыхъ то же, что и допущеніе континентальными присяжными смягчающихъ обстоятельствъ, во-вторыхъ оно можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ и полное прощеніе преступниковъ, но и въ томъ и другомъ случаѣ судья имѣетъ право, когда находитъ нужнымъ, спрашивать присяжныхъ объ основаніяхъ ихъ ходатайства и въ случаѣ несостоятельности основаній отказывать въ немъ. Спеціальный же приговоръ англійскіе присяжные даютъ тогда, когда имѣютъ сомнѣніе относительно юридическаго свойства дѣла; тогда они удостовѣряютъ только факты, а опредѣленіе юридическаго свойства дѣйствія предоставляютъ судьямъ. Къ этому средству англійскіе присяжные прибѣгаютъ, впрочемъ весьма рѣдко. Поступая такъ, они уклоняются отъ своего настоящаго долга и строго порицаются за то. Но и о помилованіи англійскіе присяжные ходатайствуютъ не часто. Они имѣютъ полное довѣріе къ судьямъ, а судьи въ Англіи пользуются самыми широкими правами въ примѣненіи законовъ и всегда, когда того требуютъ особенныя обстоятельства, понижаютъ наказаніе до самыхъ крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе чего въ помилованіи и рѣдко оказывается нужда,—несмотря на то, что и англійскіе законы не отличаются особенною мягкостью. Но было бы и еще лучше, еслибы и законы были приспособлены не только къ требованіямъ времени, но и къ понятіямъ присяжныхъ. А въ другихъ европейскихъ государствахъ и судьи крайне стѣснены въ примѣненіи законовъ. Всякое зло тогда только уничтожается, когда оно подкапывается въ самомъ корнѣ; палліативныя же мѣры никогда не ведутъ ни къ чему и то добро, которое пріобрѣтается на счетъ подрыва должнаго уваженія къ законамъ, всегда покупается слишкомъ дорого. Сильно страдаетъ отсталостію и наше уголовное законодательство, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не предоставляетъ и судьямъ никакой свободы въ опредѣленіи наказа-

нія, а судебные уставы лишаютъ и присяжныхъ права ходатайствовать о помилованіи и предоставляютъ его судьямъ. Судьи не рѣшаютъ окончательно участь подсудимыхъ, не могутъ слѣдовательно имѣть такой настоятельной нужды въ ходатайствѣ о помилованіи какъ присяжные. До 1832 года и французскіе присяжные нерѣдко ходатайствовали о помилованіи подсудимыхъ, но съ этого времени они уже по большей части довольствуются только допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ. Въ Германіи напротивъ ходатайство это въ большемъ употребленіи.

Облекая присяжныхъ всемогуществомъ, французскій законодатель не требуетъ отъ нихъ, чтобы они основывали свой судъ и на разумной оцѣнкѣ доказательствъ, а довольствуется тѣмъ цѣлостнымъ впечатлѣніемъ, которое производятъ на ихъ разумъ доказательства всею свою совокупностію.

Законъ, говорится въ той же 342 ст. кодекса, не требуетъ у присяжныхъ отчета въ томъ какъ они дошли до убѣжденія; онъ не предписываетъ имъ и правилъ, именно отъ которыхъ они должны ставить въ зависимость полноту и достаточность доказательства; онъ предписываетъ имъ вопрошать себя вдали отъ шума и сосредоточившись въ самихъ себѣ отыскивать въ тайникѣ своей совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на ихъ разумъ доказательства, приведенныя противъ подсудимаго и средства защиты. Законъ не говоритъ имъ: вы должны считать доказаннымъ всякій фактъ, засвидѣтельствованный такимъ то числомъ свидѣтелей; онъ не говоритъ и того: вы не должны признавать доказательство достаточно обоснованнымъ, когда не обформено такъ-то, не занесено въ такіе-то акты или не подтверждено такимъ-то числомъ свидѣтелей, или такими-то уликами, онъ предлагаетъ имъ одинъ вопросъ, который содержитъ въ себѣ всю сущность ихъ обязанности: имѣете-ли вы внутреннее убѣжденіе?

Французскіе писатели, даже и самые извѣстные, какъ напримѣръ Эли, толкуютъ и этотъ законъ такъ, что въ силу его тамошніе присяжные не связаны и доказательствами. Чтобы выполнять возложенную на нихъ обязанность, имъ достаточно, говорятъ, имѣть тактъ, слѣдовать инстинкту, руководиться чувствомъ; самую совѣсть Эли называетъ тактомъ, а другіе шестымъ чувствомъ. Согласно съ этимъ взглядомъ и пренія во французскихъ уголовныхъ судахъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться

на изложеніи и развитіи доказательствъ за и противъ подсудимаго, состоятъ главнымъ образомъ, въ изложеніи и разъясненіи такихъ обстоятельствъ, которыя хотя и не относятся къ дѣлу, но могутъ сильнѣе подѣйствовать на чувство присяжныхъ чѣмъ доказательства.

Французское безотчетное intime conviction усвоено и германскими законодательствами. Посему и тамъ пренія разсчитываются также главнымъ образомъ на то, чтобы подѣйствовать такъ или иначе на чувство присяжныхъ и произвести на нихъ то или другое впечатлѣніе.

Противъ такого пониманія института и направленія судебной практики весьма справедливо замѣчаетъ Портальисъ: совѣсть нельзя разсматривать, какъ шестое чувство, которое руководится произвольными правилами; судьи и присяжные, всѣ тѣ которые судятъ, должны основывать свои рѣшенія на доказательствахъ, которыя убѣждаютъ ихъ разумъ, потому что и совѣсть можетъ говорить, когда просвѣщенъ разумъ. Еще яснѣе развиваетъ эту мысль Миттермайеръ, опровергая Эли. Эли разсуждаетъ такъ: человѣческой природѣ присуще стремленіе ко всему доброму и истинному, въ силу прирожденнаго ей закона и человѣкъ при этомъ слѣдуетъ голосу своей совѣсти, которая научаетъ его во всѣхъ обстоятельствахъ жизни распознавать доброе и худое свойство своихъ дѣйствій и служитъ самою надежной гарантіей и для юстиціи, когда и судья руководится при обнаруженіи истины нравственнымъ закономъ и прислушивается при томъ къ голосу совѣсти. Въ судьѣ, кромѣ того, укрѣпляетъ любовь къ истинѣ и чувство долга. Законъ можетъ подчинять доказательства извѣстнымъ правиламъ, опредѣлять извѣстныя условія ихъ силы, но только какъ руководящія, а не обязательныя начала. При безконечномъ разнообразіи человѣческихъ дѣйствій не возможно изслѣдованіе ихъ подчинить извѣстнымъ правиламъ. Никакой законъ не можетъ предписать, чтобы судья имѣлъ или не имѣлъ убѣжденія. Нравственное доказательство,—то впечатлѣніе, которое производитъ на совѣсть судей совокупность преній есть единственное основаніе юстиціи; внутреннее убѣжденіе должно руководить какъ судьями, такъ и присяжными. Противъ этого разсужденія Миттермайеръ замѣчаетъ: никто не будетъ отрицать того, что совѣсть научаетъ человѣка различать доброе и худое и даетъ ему силу укрѣпляться въ стремленіи къ добру. Прислушиваться къ голосу

совѣсти безспорно должны и судьи и присяжные, потому что въ ней они находятъ побужденіе къ добросовѣстному обсужденію дѣлъ и соотвѣтственному тому рѣшенію ихъ, какъ результату ихъ внутренняго убѣжденія и она же даетъ имъ силу противостоять тѣмъ многостороннимъ внутреннимъ и внѣшнимъ вліяніямъ, которыя могли бы заставить ихъ или небрежно и легкомысленно относиться къ своей обязанности или изъ опасенія невыгодныхъ послѣдствій для себя рѣшать дѣла согласно съ своими личными выгодами. Но судъ объ истинѣ фактовъ не есть дѣло инстинкта истины. Такой взглядъ неизбѣжно ставитъ судъ на почву чувства, которое обманчиво по самому свойству своему, всецѣло зависитъ отъ того или другаго впечатлѣнія и исключаетъ всякую возможность отчета въ томъ, какъ судящій доходитъ до приговора. Дѣло сужденія объ истинѣ фактовъ и о винѣ есть дѣло разума, который взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ доказательства на основаніи правилъ, какими руководствуется всякій здравомыслящій человѣкъ, когда ему нужно принять какое-либо серьезное рѣшеніе и въ чьихъ бы рукахъ ни находился судъ, въ рукахъ ли судей или присяжныхъ—имъ предстоитъ притомъ совершенно одинаковая духовная работа. Законодательство поэтому должно настойчиво внушать и присяжнымъ что и они, какъ судьи, должны давать такіе приговоры, которые суть продуктъ всесторонней оцѣнки доказательствъ, а прокуроры, защитники и президенты должны излагать и разъяснять присяжнымъ надлежащимъ образомъ основанныя на началахъ логическаго мышленія и аппробованныя продолжительнымъ опытомъ правила о доказательствахъ и такимъ образомъ предостерегать ихъ отъ увлеченій и ошибокъ. Приводя доказательства противъ и за подсудимыхъ, прокуроры и защитники должны и сами взвѣшивать и оцѣнивать ихъ на основаніи этихъ же правилъ. Наконецъ въ самой присягѣ, которую даютъ присяжные, должно быть сказано, что они обязуются судить по доказательствамъ и желательно, чтобы въ ней не содержалось никакихъ такихъ выраженій, изъ которыхъ бы можно было вывести заключеніе, что все зависитъ только отъ темнаго чувства или цѣлостнаго впечатлѣнія. Но и выше приведенная статья Наполеонова кодекса, кажется, толкуется Эли и другими, единомышленными съ нимъ писателями не совсѣмъ правильно. Она не требуетъ только чтобы присяжные подробно взвѣшивали и оцѣнивали доказательства, не предоставляетъ ихъ однакоже только

инстинкту, а велитъ имъ все-таки спрашивать себя: какое впечатлѣніе произвели доказательства на ихъ разумъ, вслѣдствіе чего и въ кодексѣ Наполеоновомъ содержатся нѣкоторыя, хотя и довольно краткія правила о доказательствахъ и предписывается разъяснять ихъ присяжнымъ и во время преній. А въ кодексѣ 3 брюмера IV года прямо высказано было слѣдующее: присяжные граждане, приглашаемые по поводу преступленія обсудить фактъ, приводимый противъ подозрѣваемаго или обвиняемаго и постановить рѣшеніе на основаніи представленныхъ доказательствъ и своего личнаго убѣжденія: существуетъ ли преступленіе и кто виновенъ въ немъ. Требуется слѣдовательно не убѣжденіе только, а и доказательство. Посему и статью 342 Наполеонова кодекса нѣкоторые французскіе же писатели объясняютъ такъ, что ею отмѣнена только законная теорія доказательствъ.

Въ Англіи такой законной теоріи доказательствъ, какая была измышлена преимущественно нѣмецкими юристами во время господства на континентѣ слѣдственнаго процесса не было никогда, тѣмъ не менѣе при постановленіи приговоровъ тамошніе присяжные постоянно держатся извѣстной теоріи ихъ. Теорія эта есть т. н. у нихъ законъ очевидности,—сборникъ образовавшихся путемъ продолжительной, вѣковой судебной практики правилъ о доказательствахъ, которыми опредѣляется частію то, что не можетъ быть доказательствомъ, частію же то, что и при какихъ условіяхъ можетъ быть доказательствомъ. Правила эти до такой степени уважаются въ Англіи, что ихъ строго держатся и обвинители и защитники при изложеніи и развитіи доказательствъ и подкрѣпленіи ими фактовъ и положеній; постоянно указываютъ на нихъ присяжнымъ и предсѣдательствующіе судьи, съ цѣлію предохранить ихъ отъ несправедливаго приговора. Присяжные же опредѣляя, на основаніи этихъ правилъ, силу приведенныхъ противъ и за подсудимаго доказательствъ обыкновенно поступаютъ такъ: сперва удостовѣряются въ томъ, дѣйствительно ли совершено дѣло, приписываемое подсудимому, и затѣмъ опредѣляютъ, имъ ли оно было совершено. Въ такомъ же порядкѣ происходятъ и пренія и какъ обвинители, такъ и защитники стараются также только о томъ, чтобы облегчить присяжнымъ правильное разрѣшеніе этихъ вопросовъ и съ этою цѣлію обращаютъ ихъ особенное вниманіе на важнѣйшія доказательства, которыя главнымъ обра-

зомъ должны быть приняты въ соображеніе при рѣшеніи вопроса о виновности и объясняютъ ихъ значеніе, на основаніи общепринятыхъ правилъ не только вообще но и въ примѣненіи къ данному случаю; и ни тѣ, ни другіе никогда не имѣютъ въ виду подѣйствовать на чувство присяжныхъ. Всегда говорится присяжнымъ только то, что существенно относится къ дѣлу и можетъ служить доказательствомъ во вредъ или въ пользу подсудимыхъ. Спокойствіемъ, краткостью и простотою отличаются англійскія пренія и составляютъ совершенный контрастъ съ французскими преніями. Между тѣмъ какъ англійскіе обвинители, защитники и даже президенты всегда говорятъ только дѣло, французскіе прокуроры, адвокаты и президенты по большей части, распространяются всего болѣе о постороннихъ предметахъ, о характерѣ подсудимыхъ, ихъ предшествующей жизни и только слегка касаются доказательствъ и ихъ рѣчи почти всегда отличаются страстностію, бываютъ крайне продолжительны, постоянно бьютъ на эффектъ. Каждый изъ ораторовъ старается отуманить, озадачить присяжныхъ и возбудить въ нихъ благопріятныя для себя чувствованія и страсти и нерѣдко и самое resumé президента вмѣсто того, чтобы служить руководствомъ для присяжныхъ, только еще болѣе сбиваетъ ихъ съ толку. Чѣмъ краснорѣчивѣе президентъ, говорятъ и сами французы, тѣмъ хуже для дѣла.

Чтобы видѣть, какъ свято чтутъ законы англійскіе присяжные и до какой степени они считаютъ себя обязанными подчинять свое внутреннее убѣжденіе доказательствамъ, считаемъ не лишнимъ привести изъ англійской судебной практики слѣдующій во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени замѣчательный уголовный случай:

Сержантъ 16 пѣхотнаго полка Михаилъ Гайнсъ, въ мартѣ 1860 года былъ уволенъ во временной отпускъ въ Госпортъ, къ своему вотчиму Кларку. Въ пятницу 9 марта, онъ уходилъ со двора и вернулся домой совершенно пьяный. Мать уговаривала его не выходить больше изъ дому, но онъ не послушался и ушелъ вмѣстѣ съ вотчимомъ. Дорогой они встрѣтились съ нѣкіимъ Броуномъ, зашли съ нимъ въ питейное заведеніе, пили тамъ пиво и джинъ, а потомъ Гайнсъ выпилъ еще стаканъ водки уиски, отъ чего уже сдѣлался мертвецки пьянъ и вернулся домой въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Мистриссъ Кларкъ всячески старалась успокоить его и выпроводила своего мужа изъ дома, такъ какъ онъ съ Гайнсомъ всегда ссорился. Когда

Кларкъ ушелъ, то Гайнсъ снялъ свою висѣвшую на стѣнѣ саблю. Мистриссъ Кларкъ испугалась и стала звать на помощь. На ея зовъ прибѣжала жившая съ ними дверь объ дверь мистриссъ Скейнъ и старалась успокоить и уговорить Гайнса, но онъ вытолкнулъ мистриссъ Кларкъ изъ дому и заперъ за нею дверь; мистриссъ Скейнъ осталась съ нимъ въ домѣ. Въ слѣдъ затѣмъ дочь мистриссъ Кларкъ, бывшая въ верхнемъ этажѣ дома, сойдя внизъ, увидала, что мистриссъ Скейнъ лежитъ на полу, а Гайнсъ стоитъ подлѣ нея и держитъ въ рукахъ обнаженную саблю; Кларкъ бросилась на верхъ по лѣстницѣ, стала громко кричать и выскочила изъ окошка. Нѣсколько человѣкъ сосѣдей прибѣжали, стали смотрѣть въ замочную скважину и увидѣли, что Гайнсъ тыкалъ саблей во что-то лежавшее на полу. Когда они выломали дверь, то Гайнсъ изъ комнаты бросился имъ на встрѣчу, держа въ рукахъ окровавленную саблю. Войдя въ комнату, сосѣди нашли мистриссъ Скейнъ лежащею на полу; голова у ней была ужасно изуродована сабельными порѣзами. Послѣ того Скейнъ мучилась еще два мѣсяца отъ нанесенныхъ ей ранъ, но потомъ умерла.

Защитникъ Гайнса, обращаясь къ присяжнымъ, говорилъ, что въ душѣ Гайнса не было никакого злаго намѣренія въ отношеніи къ умершей, но что онъ былъ въ томъ возбужденномъ состояніи, при которомъ его нельзя обвинять въ предумышленномъ убійствѣ, а только не въ предъумышленномъ. То, что подсудимый сержантъ,—доказываетъ, что онъ человѣкъ хорошаго нрава, и отзывъ офицеровъ его полка подтверждаетъ это.

Но судья на это замѣтилъ, что по англійскимъ законамъ лишеніе жизни смертоноснымъ орудіемъ всегда признается предъумышленнымъ убійствомъ и состояніе опьяненія, ни въ какомъ случаѣ, не уменьшаетъ степени виновности и присовокупилъ, что присяжные всего лучше исполняютъ свою обязанность, когда слѣдуютъ закону, и въ точности подчиняются ему и основываютъ свой приговоръ на спокойномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи доказательствъ, а не даютъ волю чувству, или увлекаются какими нибудь соображеніями, отъ чего всегда сильно страдаетъ правосудіе.

Когда же послѣ совѣщанія одинъ изъ присяжныхъ сказалъ: мало надежды на то, чтобы мы согласились между собой; нѣкоторые изъ насъ сомнѣваются въ томъ, было ли злое намѣреніе,—судья опять повторилъ, что когда употреблено было смер

тоносное орудіе и отъ этого употребленія произошли тѣ послѣдствія, которыя могли произойти отъ того, законъ предполагаетъ, что при этомъ было злое намѣреніе и я не могу указать вамъ ни одного обстоятельства, вслѣдствіе котораго преступленіе Гайнса можно бы было причислить къ непредъумышленному убійству; вызова никакого съ противной стороны не было, но и еслибъ былъ вызовъ, то употребленіе смертоноснаго орудія не дозволило бы почитать это преступленіе не предъумышленнымъ убійствомъ, точно также и опьяненіе не понижаетъ степени преступленія, а вы и я сидимъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобы сочинять законы, но для того, чтобы на основаніи присяги отправлять правосудіе, примѣнять законы; вашъ приговоръ долженъ согласоваться съ требованіями закона. Если вы имѣете какое либо сомнѣніе въ томъ, что смерть послѣдовала не отъ употребленія смертоноснаго оружія, если вы держитесь этого мнѣнія, то должны добросовѣстно обдумать это.

Ухватившись за послѣднія слова судьи, одинъ изъ присяжныхъ пожелалъ узнать, увѣрены ли медики, что смерть послѣдовала вслѣдствіе ранъ.

Судья прочелъ отзывъ медиковъ, которые утверждали, что раны нанесены были саблей, и что смерть послѣдовала отъ ранъ.

Но Скейнъ не вдругъ умерла, а мучилась два мѣсяца. Другой присяжный пожелалъ поэтому спросить медиковъ: не могла ли послѣдовать смерть отъ какой либо другой причины?

Когда же и на это послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, то третій присяжный попытался было подвергнуть сомнѣнію отзывъ докторовъ указаніемъ на то, что слишкомъ много протекло времени между нанесеніемъ ранъ и смертію. Но и это было опровергнуто. Тогда предложенъ былъ еще слѣдующій вопросъ: а еслибы Скейнъ была молода, то могла ли бы она выздоровѣть? Судья отвѣчалъ: господа, развѣ кто нибудь имѣетъ право отнять жизнь у женщины, потому что она стара?

Присяжный опять обратился было къ судьѣ просто съ вопросомъ: развѣ мы не можемъ признать, что было совершено непредъумышленное убійство? Но судья, вмѣсто отвѣта, счелъ нужнымъ напомнить присяжнымъ ихъ обязанности. Вы обязаны, сказалъ онъ, произнести приговоръ на основаніи данной вами присяги. Вы можете постановить какой вамъ угодно приговоръ. Но вы клялись, что будете постановлять приговоры на основаніи представленныхъ доказательствъ. Значитъ, разрѣшеніе

вопроса совершенно въ вашей власти. Вы можете невѣрить ни одному изъ свидѣтелей, которые были приведены предъ васъ: вы можете говорить, что все говоренное выдумка, но все это вы дѣлаете подъ своею собственною отвѣтственностію, на основаніи данной вами присяги. Я же не могу найти никакихъ фактовъ, на основаніи коихъ вы могли бы признать, что подсудимый совершилъ не предъумышленное убійство.

Присяжные удалились, но послѣ четырехъ-часоваго совѣщанія прислали судьѣ письменный вопросъ: не предполагается ли при непредъумышленномъ убійствѣ нечаяннаго убійства?

Судья и на этотъ вопросъ далъ отрицательный отвѣтъ и когда, на его замѣчаніе, что онъ не понимаетъ, въ чемъ заключается затрудненіе, встрѣчаемое нѣкоторыми изъ присяжныхъ, услышавъ, что затрудняется только одинъ, присовокупилъ: вы пожалуй станете судить о примѣненіи закона, но тогда нарушите присягу, толкованіе закона вы обязаны принимать отъ меня; я же подъ собственною отвѣтственностію говорю вамъ, что не вижу обстоятельствъ,которыя, бы по закону, могли обратить предъумышленное убійство въ непредъумышленное, и если вы согласитесь, что смерть произошла отъ употребленія смертоноснаго оружія, то признаете, что совершенное преступленіе есть предъумышленное убійство. Вамъ слѣдуетъ удалиться и убѣдить вашего товарища, чтобы онъ разсматривалъ факты и не безпокоилъ бы себя разсмотрѣніемъ вопросовъ права, которое вовсе не принадлежатъ къ области присяжныхъ.

Присяжные удалились и чрезъ нѣсколько времени вынесли приговоръ о признаніи подсудимаго виновнымъ въ убійствѣ предъумышленномъ, но просили оказать ему снисхожденіе.

Случай этотъ поучителенъ въ высшей степени! Наглядным, осязательнымъ образомъ онъ показываетъ, съ какою религіозною добросовѣстностію относятся англійскіе присяжные къ выполненію возложенной на нихъ обязанности и какъ мало они полагаются на свои личныя мнѣнія въ вопросахъ, которые превышаютъ горизонтъ ихъ понятій и къ рѣшенію которыхъ они прямо и не призываются; съ какимъ далѣе вниманіемъ они выслушиваютъ совѣты и наставленія судей и съ какою готовностію и судьи помогаютъ имъ своими совѣтами и предостерегаютъ отъ ошибокъ настойчивымъ напоминаніемъ имъ о существѣ и предѣлахъ ихъ власти. Вмѣстѣ же съ тѣмъ изъ этого процесса открывается ясно и то, что присяжные вовсе не такъ

неограниченно свободны въ рѣшеніи дѣлъ, какъ обыкновенно думаютъ на континентѣ. Но не по вдохновенію, не какъ Богъ положитъ имъ по сердцу, они должны давать приговоры, но какъ того требуетъ законъ и неотразимая сила доказательствъ.

Личное убѣжденіе присяжныхъ, въ настоящемъ случаѣ, очевидно совершенно расходилось съ закономъ. Несправедливо, крайне несправедливо казалось имъ признать предъумышленнымъ убійцей человѣка, убившаго старую женщину въ безчувственно-пьяномъ состояніи и вотъ они предлагаютъ судьѣ вопросъ за вопросомъ, въ надеждѣ, что какъ человѣкъ опытный въ толкованіи и примѣненіи законовъ, онъ укажетъ имъ какой либо законный выходъ изъ ихъ затруднительнаго положенія. Но всѣ попытки только убѣждаютъ ихъ все болѣе и болѣе въ томъ, что имъ не остается ничего другаго, какъ или поступить вопреки закону и, закрывши глаза предъ доказательствами, признать подсудимаго невиннымъ, или же преклонившись предъ закономъ и доказательствами, подчинить имъ свое личное убѣжденіе и обвинить подсудимаго въ предъумышленномъ убійствѣ, и вѣрные своему долгу и данной присягѣ англійскіе присяжные предпочли послѣднее.

Французскіе и другіе присяжные не стали бы такъ мучить себя, они съ разу бы порѣшили, что законъ безсмысленъ, не стоитъ того, чтобы подчиняться ему и тотчасъ же признали бы подсудимаго невиннымъ. Но на что же тогда законъ и къ чему доказательства? Тратятъ время и трудъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, а иногда и дней на разбирательство одного дѣла, приводятъ и объясняютъ доказательства и ихъ силу противъ и за подсудимаго, приводятъ и толкуютъ подходящіе къ дѣлу законы, возбуждаютъ и рѣшаютъ юридическіе вопросы, отъ правильнаго пониманія которыхъ зависитъ правильное рѣшеніе дѣла и затѣмъ невѣдомо откуда и невѣдомо почему является совершенно неожиданное внутреннее убѣжденіе, которое идетъ прямо въ разрѣзъ со всемъ, что было говорено, и своимъ неотразимымъ: sic volo sic jubeo, рѣшаетъ судьбу подсудимаго. Мало смысла было въ старинныхъ ордаліяхъ, но тогда по крайней мѣрѣ дѣло отдавалось на судъ Божій и рѣшителемъ судьбы подсудимыхъ былъ самъ Богъ, а придуманное французами intime conviction отдаетъ ее на жертву случайнаго каприза судей. Французы и сами ясно не понимали, куда пове-

детъ ихъ уголовный судъ, изобрѣтенное ими голословное внутреннее убѣжденіе. Они ухватились за него, чтобы какъ нибудь помирить защитниковъ законной теоріи доказательствъ съ ихъ противниками. Непонятно, какимъ образомъ и Нѣмцы, которые любятъ все erforsehen nach Gründen могли усвоить это безотчетное чувство и своему уголовному процессу.

Судъ не долженъ быть темной силой, которая караетъ и милуетъ, неизвѣстно за что и почему, и отъ которой и уберечься нельзя. Не бойся суда, бойся судей, образовалась у насъ пословица, во время стараго суда, когда законъ мало уважался. Судъ и не страшенъ, страшенъ лишь судейскій произволъ; его поэтому нельзя терпѣть даже и въ видѣ внутренняго убѣжденія.

Но если и судъ присяжныхъ долженъ основываться на законахъ и подчиняться доказательствамъ, то чѣмъ же онъ отличается отъ прежняго короннаго суда?

По законамъ долженъ производиться судъ, какую бы форму онъ ни имѣлъ и въ чьихъ бы рукахъ ни находился. Производятся ли уголовныя дѣла слѣдственнымъ обвинительнымъ или смѣшаннымъ порядкомъ и сидятъ ли въ судахъ одни судьи— законовѣдцы или и вмѣстѣ съ ними вѣдаютъ уголовныя дѣла и присяжные, во всѣхъ случаяхъ судъ иначе не мыслимъ, какъ по законамъ. Не уважаютъ законовъ судьи, трудно ожидать, чтобы ихъ уважали и другіе. Да и правда возможна въ государствѣ только законная. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть слѣдовательно никакого различія между какимъ бы то ни было судомъ.

Что же касается до доказательствъ, то хотя и присяжные наравнѣ съ судьями, обязаны основывать свои приговоры на разумной оцѣнкѣ доказательствъ, но теперь не только присяжные, но и судьи не стѣсняются при опредѣленіи ихъ силы никакими положительными законными предписаніями, а имѣютъ право руководствоватся при томъ лишь общими всѣмъ правилами очевидности, основанными на указаніяхъ разума и опыта, которымъ одолжена своимъ происхожденіемъ и англійская традиціонная теорія доказательствъ и вѣрить или не вѣрить доказательствамъ не потому, что они заключаютъ или не заключаютъ въ себѣ извѣстныя требуемыя закономъ для ихъ силы условія, а лишь потому, представляются ли они самимъ судящимъ заслуживающими вѣру или не заслуживающими. Въ этомъ смыслѣ только и должно считать законную теорію доказа-

тельствъ отмѣненною и въ этомъ же только смыслѣ настоящій судъ можетъ быть названъ судомъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Прежде для приговоровъ требовались только доказательства и не считалось нужнымъ личное убѣжденіе судей, а теперь напротивъ требуются и доказательства и внутреннее убѣжденіе судей. И такъ должны судить нетолько присяжные но и коронные судьи. Разница между ними состоитъ только въ томъ что судьи обязаны мотивировать свои приговоры а присяжные нѣтъ: Тѣ могутъ быть поэтому подвергаемы отвѣтственности по закону, если постановятъ приговоръ въ противность доказательствамъ, а присяжные не подлежатъ ей ни въ какомъ случаѣ. Но кромѣ отвѣтственности по закону и суду есть еще и другая отвѣтственность предъ совѣстію и общественнымъ мнѣніемъ. Для человѣка добросовѣстнаго, который не можетъ не дорожить добрымъ о себѣ мнѣніемъ своихъ согражданъ, эта отвѣтственность едвали не тяжелѣе, чѣмъ отвѣтственность по закону и суду. Въ Англіи же присяжные, которые даютъ приговоры противъ очевидности, всегда рискуютъ потерять доброе имя, какъ нарушающіе данную ими присягу. А было время, что тамъ присяжные подвергались за это и суду и наказанію, но и теперь судья, когда находитъ приговоръ присяжныхъ противнымъ очевидности имѣетъ право пріостановиться собственнымъ приговоромъ или, постановивши его, перенести дѣло на разсмотрѣніе лондонскаго королевскаго суда, послѣ чего оно можетъ быть передано на обсужденіе новаго состава присяжныхъ. Можетъ даже и самъ обвиненный просить объ этомъ.

Если бы присяжные имѣли право давать судъ и не по доказательствамъ, то не было бы никакой нужды не только излагать и развивать ихъ во время преній и объяснять ихъ силу въ заключительномъ наставленіи судьи присяжнымъ, но и постановлять какія либо правила въ законодательствахъ относительно того, что можетъ и что не можетъ быть доказательствомъ. Совѣсть не просвѣщенная доказательствами можетъ быть подкуплена состраданіемъ, къ которому присяжные особенно склонны, ослѣплена враждой, ненавистью и духомъ партій, гдѣ они есть. Tel est mon bon plaisir ни въ какомъ судѣ не можетъ быть по этому руководящимъ началомъ.

Судъ присяжныхъ совмѣщаетъ въ себѣ слѣдовательно всѣ условія правильнаго суда. Англичане именно поэтому и цѣнятъ его высоко и если дорожатъ и политическими выгодами его, то никакъ

не ставятъ это въ главную заслугу ему. Но при перенесеніи англійскаго суда присяжныхъ во Францію руководились болѣе политическими соображеніями и отчасти по этому передѣлали его такъ, что отъ него остался одинъ безжизненный остовъ. Въ этомъ искаженномъ видѣ англійскій институтъ присяжныхъ перешелъ и въ другія континентальныя европейскія государства и естественно принесъ съ собой всѣ тѣ недостатки на которые жалуются французы. Но французы, несмотря на эти недостатки, видятъ въ судѣ присяжныхъ все таки учрежденіе, которое охраняетъ наилучшимъ образомъ честь и жизнь гражданъ. Berenger la repression pénale p. 82. Въ Германіи напротивъ былъ поднятъ уже и вопросъ объ отмѣнѣ суда присяжныхъ и замѣнѣ его шеффами. Это казалось бы еще и слишкомъ рано и особенно странна такая поспѣшность въ такомъ важномъ дѣлѣ со стороны нѣмцевъ, которые любятъ все изслѣдовать основательно и потому и въ своемъ общественномъ строю не легко мѣняютъ старое на новое. Долго и упорно отстаивали нѣмцы и свой старый судъ, а новый судъ существуетъ во многихъ нѣмецкихъ государствахъ всего 25 лѣтъ и они уже подымаютъ вопросъ о новой ломкѣ судебныхъ учрежденій. Слишкомъ коротко это время для того, чтобы произнести непогрѣшительно окончательный судъ о заимствованномъ извнѣ учрежденіи, которое притомъ на родинѣ пользуется всеобщимъ сочувствіемъ и вызываетъ единодушное одобреніе всѣхъ иностранцевъ, которые имѣли случай наблюдать его на мѣстѣ по своей простотѣ, скорости, основательности и правильности рѣшеній. Чтобы чужеземное растеніе могло укорениться и принести плодъ на новой почвѣ, необходимо, чтобы почва была готова къ тому, а судъ присяжныхъ требуетъ для своего плодотворнаго развитія такихъ условій, которыя встрѣчаются не вездѣ, да и появляются не вдругъ. Широкое развитіе духа общественности, живое участіе вслѣдствіе того во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, глубокое сознаніе долга и развитіе во всѣхъ и каждомъ чувства законности при соотвѣтственномъ требованіямъ времени и доступномъ для пониманія простыхъ людей законодательства—вотъ эти условія. Но къ появленію ихъ можетъ содѣйствовать и самъ судъ присяжныхъ, а всякое просвѣщенное правительство не можетъ не желать того и не способствовать къ тому. Въ Германіи присяжные приняты были противъ желанія правительства и потому почти нигдѣ не пользовались со-

чувствіемъ въ тамошнихъ правительственныхъ сферахъ. Многимъ они не нравились и какъ не отечественное учрежденіе. Не мало и это обстоятельство должно было содѣйствовать къ скороспѣлому суду надъ ними германскихъ правителей и къ желанію замѣнить ихъ доморощенными шеффами. Но къ счастію нашлись не настолько германолюбивые нѣмцы и отстояли пока судъ присяжныхъ. Чего же можно ожидать отъ шеффовъ, мы достаточно знаемъ изъ нашего довольно не короткаго знакомства съ засѣдателями.

Наши судебные уставы не надѣляютъ присяжныхъ ни всемогуществомъ, ни шестымъ чувствомъ, напротивъ заставляютъ ихъ присягать въ томъ, что они будутъ прилагать всю силу разумѣнія своего къ тщательному разсмотрѣнію, какъ обстоятельствъ уличающихъ такъ и оправдывающихъ подсудимыхъ и подавать голосъ согласно съ тѣмъ, что увидятъ и услышатъ на судѣ, по сущей правдѣ и убѣжденію своей совѣсти, не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго, подъ страхомъ отвѣтственности предъ закономъ и Богомъ; и чтобы облегчить имъ исполненіе этого долга, вмѣняютъ въ обязанность и судьямъ въ своемъ наставленіи объяснять не только существенныя обстоятельства дѣла и законы относящіеся къ опредѣленію свойства, разсматриваемаго преступленія или проступка, но и общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и уликъ, приведенныхъ за и противъ подсудимыхъ и въ заключеніе этого наставленія напоминать имъ, что они должны опредѣлять вину или невинность подсудимыхъ по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Не смотря однакоже на все это и наши присяжные, вопреки законамъ и доказательствамъ, дозволяютъ себѣ оправдывать подсудимыхъ когда находятъ наказаніе, которое назначено въ законѣ за преступленіе, слишкомъ жестокимъ и тѣмъ болѣе несправедливымъ; случаи же этого рода, при отсталости нашихъ уголовныхъ законовъ и лишенія уставами присяжныхъ права ходатайствовать о помилованіи, а судей свободы при опредѣленіи наказанія, должны у насъ встрѣчаться довольно нерѣдко. Посему и судьи не препятствуютъ присяжнымъ миловать въ подобныхъ случаяхъ преступниковъ, хотя и имѣютъ полную къ тому возможность въ силу предоставленнаго имъ права отсылать присяжныхъ къ новому совѣщанію, когда они поступаютъ прямо вопреки ихъ наставленіямъ. Но у насъ, кромѣ того силь-

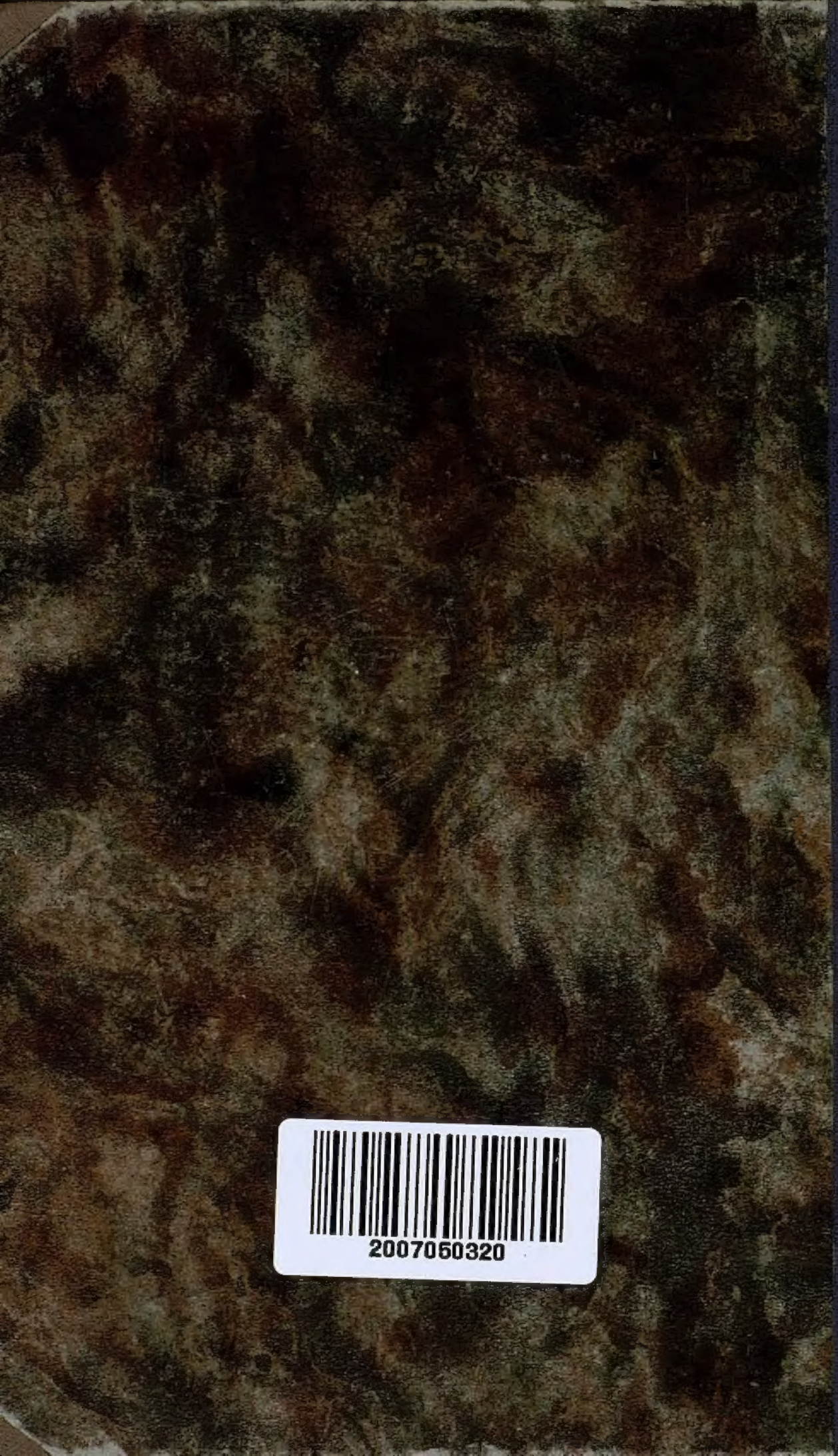
но распространена, даже и между юристами, мысль, что присяжные ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ и могутъ обвинять и оправдывать не стѣсняясь ни законами, ни доказательствами, въ силу ст. 803 Уст. Уг. Суд. въ которой сказано, что общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и уликъ объясняются предсѣдателемъ, не въ видѣ непреложныхъ положеній, но лишь въ смыслѣ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго. Мысль эта, по видимому, находитъ подтвержденіе и въ объясненіи къ ст. 766 того же Уст. (изд. госуд. канцеляріи) гдѣ выражено, что присяжные вольны слѣдовать или не слѣдовать совѣтамъ и объясненіямъ судей. Но хотя общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и уликъ и имѣютъ для присяжныхъ значеніе только предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимыхъ, а совѣтамъ и объясненіямъ они вольны слѣдовать и не слѣдовать, это однакоже вовсе не значитъ, что они могутъ произвольно не держаться тѣхъ и пренебрегать этими и слѣдовательно поступать вопреки тѣмъ и другимъ и тогда когда убѣждены въ виновности подсудимыхъ. Именно отъ этого и должны предостерегать присяжныхъ первыя и руководить къ правильному рѣшенію дѣлъ послѣдніе. Иначе ни тѣ, ни другіе не имѣли бы никакого смысла и не стоило бы и тратить время на объясненія однихъ и подаваніе другихъ.

У насъ впрочемъ зло помилованія преступниковъ присяжными не могло еще слишкомъ укорениться; можно поэтому ожидать, что оно тотчасъ прекратится, какъ только уголовные законы наши будутъ приспособлены къ понятіямъ и требованіямъ времени, присяжные получатъ право ходатайствовать о помилованіи подсудимыхъ, а судьи большую свободу въ опредѣленіи наказанія и послѣдніе будутъ также постоянно и настойчиво, какъ и англійскіе судьи, напоминать присяжнымъ, что, они сидятъ въ уголовныхъ судахъ не для того, чтобы сочинять законы, а для того, чтобы производить судъ по законамъ, и что обвиняя и оправдывая въ противность законамъ и доказательствамъ, по какой бы то ни было причинѣ, они нарушаютъ данную присягу.

С. Баршевъ.

Дозволено ценз. Москва. 14 мая 1874 г.

Въ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.


2007050320